ЮРИЙ ГОРЮНОВ

ZERO

Удача не бывает случайной

18+

Юрий Горюнов

Zero. Удача не бывает случайной

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Горюнов Ю.

Zero. Удача не бывает случайной / Ю. Горюнов — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Огромная немецкая овчарка словно зависла в прыжке. Я лежал на спине, чуть приподняв голову, повернувшись в падении лицом к ней, и видел её налитые злобой глаза, широко открытую пасть, из которой свисал тёмно-красный язык, а также нацеленные на меня клыки, которые в мгновение должны были сомкнуться на моём горле...Действие происходит в Латинской Америке.Книга 4 из серии Zero.

© Горюнов Ю., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

ZERO. Удача не бывает случайной

1

Огромная, немецкая овчарка словно зависла в прыжке. Я лежал на спине, чуть приподняв голову, повернувшись в падении лицом к ней, и видел её налитые злобой глаза, широко открытую пасть, из которой свисал тёмно-красный язык, а также нацеленные на меня клыки, которые в мгновение должны были сомкнуться на моём горле. Моя жизнь зависела от краткого мгновения, не секунд, мне их никто не дал, а именно от мгновения, выданного мне на удачу, судьбой или Всевышним. Но с ним я не был знаком, чтобы попытаться договориться, поэтому рассчитывать мог только на себя. Какие там мысли? У меня, как у животного остались одни инстинкты в минуты опасности – выжить.

Я резко «выбросил» правую руку вперёд навстречу, летящей на меня овчарки, и она влетела в её горло почти по локоть; пальцы мгновенно сжали её язык, и я с силой повернул руку, увлекая язык. Собака завизжала от боли, её клыки не успели сомкнуться, а я продолжал вращение. Тело овчарки чуть повернулось по направлению вращения моей руки и рухнуло на меня в конвульсиях. Ее била крупная дрожь, а глаза, смотревшие на меня со злобой, но если бы она была человеком, то я бы сказал, что с удивлением, стали тускнеть. Жизнь покидала её, но моя жизнь оставалась со мной. Я вырвал, не сохранил, а именно вырвал свою жизнь из лап смерти в последнее мгновение. Челюсти так и не сомкнулись полностью, на моей руке.

Когда она утихла, я осторожно вынул руку из её горла и сбросил овчарку с себя. Она была уже мертва. Длинный язык вывалился из пасти, которая осталась открытой в смертельной агонии.

– Это было честно, – произнес я, глядя на неё. – Я тоже был без оружия. Либо ты меня, либо я тебя. Мне повезло больше.

Я откинул голову на траву и посмотрел на голубое небо сквозь ветви деревьев. Солнце слабо пробивалось сквозь густую крону деревьев, окружавших меня, и лишь отдельные его лучи достигали земли. Была приятная прохлада. Усталость от бега и нервное напряжение от схватки давали о себе знать. Я испытывал некую опустошенность и лежа на траве, чувствовал, как она приятно холодит разгорячённое тело, но вернулся мыслями к схватке за жизнь.

Я знал этот приём защиты от собак только теоретически, когда объясняли в учебке. Практики не было. Мысленно я поблагодарил своих учителей, которые научили выживать на одних животных инстинктах. Ни один мозг не мог дать команду на приём, только инстинкт и опыт на самосохранение.

Я улыбнулся. Надо же! Сколько у меня было в жизни ситуаций, а борьба с собакой впервые. И это для меня, разведчика-нелегала, у которого убийство – крайняя мера, только ради спасения собственной жизни.

Оставаться рядом с собакой было опасно, за ней следовали мои преследователи, которым я не очень нравился. Посмотрев по сторонам, я увидел слева от себя кустарник, а справа небольшую поляну. Первая мысль – отползти в кусты, но я её тут, же прогнал, слишком просто. Они в первую очередь начнут прочёсывать кусты, зная, что я устал и далеко не мог уйти. Ещё раз взглянул наверх. Надо мной было большое толстое дерево, с густой кроной.

«Ну, что, надо попробовать» – сообщил я себе неприятное известие о дальнейших планах. – «Они не будут искать меня на дереве, считая, что я слаб, чтобы залезть на него. Но это они так думают, ты должен думать не стандартно». В голову пришло задание из учебки, требующего нестандартного мышления, когда меня ещё не готовили для индивидуальной работы нелегала-одиночки.

«Человек, каждое утро спускался на лифте, отправляясь из многоэтажного дома на работу. Вечером, возвращаясь, он поднимался до десятого этажа на лифте, а далее шёл пешком. Почему он так делал? Версий всегда было множество, а ответ один – он был карлик и не доставал до верхней кнопки».

Понимая, что я трачу драгоценное время на глупости, тихо поднялся, прислушиваясь к своему телу. Оно было уставшим, но без повреждений, лишь рука немного ныла, видимо чуть зацепило клыками.

Обхватив по мере возможности ствол, я начал медленно влезать на дерево. Главное было не останавливаться и держать мышцы в напряжении; стоило их чуть расслабить и я упаду, а поднимусь ли второй раз, был для меня сложный вопрос. Упорно я поднимался вверх, как учили, и достиг середины кроны. Перебрался на ветку с противоположной стороны ствола, откуда предполагались преследователи, чтобы они не увидели меня издали, и затаился среди густой листвы. Ждать пришлось не долго, и вскоре я услышал голоса. Бегом к месту схватки приближалось трое мужчин: один худощавый, высокий, второй плотный среднего роста, а третий высокий, широкоплечий. У каждого из них висел автомат, поверх комбинезона.

– Смотрите. Сюда, – позвал худощавый, своих соратников, подбежал к собаке и остановился рядом с ней, разглядывая её. К нему присоединились остальные.

– Что он с ней сделал? – спросил худощавый. – На ней нет ни одной раны, но она мертва.

– Не простой видать парень, если смог убить нашего Боса, – сделал вывод другой и присел перед собакой. – Да у неё почти вырван язык! Ничего себе. – И резко поднялся. – Он где-то недалеко, время потратил на борьбу с Босом, да и устал, как и мы от бега. Надо проверить поблизости, посмотреть вон в тех кустах, – и он указал на кусты, в которые меня погнала первая спасительная мысль. – Иди, проверь, – обратился он к худощавому.

– Еще чего! – ответил тот возмущенно. – Если он с собакой мог такое сотворить, то, что ему стоит свернуть мне шею. Лучше я так, – он приблизился к кустам и начал поливать их огнем из автомата, который снял со спины. Тишину леса разрывали звуки выстрелов. Он поливал кусты свинцовым огнем, срезая ветки, которые с хрустом падали на траву.

– Хватит, давай посмотрим, – сказал широкоплечий.

– Вот идите и смотрите, я здесь постою и вас подожду, – худощавый вернулся и встал под дерево, на котором я сидел. Его напарники стали осторожно приближаться к кустам, а худощавый смотрел им в спины.

«Ну что же, – решил я, – ты сам выбрал себе путь на тот свет, если он существует. Во всяком случае, тебе его придется пройти. Если бы я там спрятался, то был бы уже мёртв, благодаря тебе», – и замер в ожидании момента.

Худощавый устав наблюдать за медленным перемещением напарников, решил полюбоваться небом, поднял голову и замер с открытым ртом, увидев меня в кроне дерева. Давать ему повод, усомниться, что это не видение, а реальность, а уже тем более что-либо сообщить своим напарникам, я не собирался и рухнул на него, подминая под себя. Руки машинально делали своё дело, применяя «тихое убийство», а именно сворачивая ему шею, тут же подхватывая автомат из его ослабевших рук.

Его напарники обернулись на шум, но было поздно, автоматная очередь прошлась по обоим, и они, не издав, ни звука с изумлёнными лицами упали в траву.

Я сел, прислонившись спиной к дереву, не выпуская из рук автомат.

«Многовато что-то в этой операции смертей, так много я ещё не убивал, не в моих это правилах» – думал я про себя. – «Ну, да не я это начал, это просто самооборона. А ваша беда, парни, что вас послали за мной».

Просидев минут пять, я поднялся, посмотрел, что в карманах преследователя, отцепил фляжку, и, открыв крышку понял, что это бренди. Нашел в кармане зажигалку и тоже прихватил с собой, а также нож. В дороге пригодиться. Всё, пора было покидать это место. Убежал я

недалеко, и не факт, что за ними, ввиду их отсутствия, не пойдут другие. Надо было уходить. Беспокоило только, чтобы с другими, не было собаки. Задача стояла выйти на дорогу, а там разобраться, в каком направлении продолжать путь к свободе.

Приняв решение, я поднял автомат, ещё раз окинул взглядом поле боя, и сделал выстрел в собаку, чтобы была видимость, что она погибла от пули, а затем углубился в чащу леса. Лес был не такой уж и редкий, приходилось идти осторожно, чтобы случайно не наступить на сухую ветку. Косые солнечные лучи падали между деревьев и земля была в золотых пятнах. Тишина и покой леса нарушались лишь шумом веток, качаемых ветерком, но это спокойствие для меня могло быть последним, потому приходилось быть очень внимательным.

Ушёл я не далеко, как услышал слабые голоса, лая собаки слышно не было, а значит, я оказался прав, за ними идут другие, видимо услышали автоматные очереди, и пошли на помощь. Не поддаваясь искушению идти быстрее, я взял ещё правее. Шёл медленно на Запад, почти весь день. Когда хотел пить, то в лесу находил либо ручей, либо болотце. Выкапывал рядом маленькую ямку, и вода, используя землю, как фильтр, наполняла её. Я черпал воду руками и пил, а затем запивал бренди из фляжки, как тогда в Африке, чтобы исключить вероятность отравления, используя алкоголь, как обеззараживающее.

Во время привалов я доставал записи, которые прихватил из офиса, откуда сбежал, где натворил бед и потому меня и искали, заучивал имена, изучал финансовые схемы. Нужно было всё это запомнить, хотя бы максимум. Опыт запоминания имелся, нас этому учили. Выходить с такими документами к людям я не мог. Я гонял свою память, повторяя прочитанное, и лишь когда понял, что она хранит, то, что мне нужно, я рвал листки на мелкие кусочки, перемешивал их и уже по пути, выкапывая ямки, по частям закапывал, чтобы исключить самую глупую случайность их найти. Ближе к вечеру я вышел на просёлочную дорогу. Не забивая голову направлением, я вновь повернул направо, подсознательно понимая, что база осталась слева.

Километров через пять, грунтовая дорога вывела на шоссейную. Куда и откуда она шла я не знал. Свернув вновь направо, я пошёл вдоль обочины, но не прошёл и две-три сотни метров, как услышал шум приближающейся машины, которая шла сзади в моем, же направлении. Встав за дерево, я стал дожидаться её появления, и вскоре увидел армейский открытый джип, в котором было два солдата в форме солдат американской армии.

Я решил рискнуть. Выбор был не велик, либо выйти к ним, либо самостоятельно искать выход. Повесив автомат на ладонь и, подняв руки, показывая мирные намерения, я вышел из-за дерева, когда машина была уже метрах пятидесяти от меня. Я не хотел получить пулю, напугав их своим неожиданным появлением с автоматом на шее, вот и повесил его на руку. В глухом лесу легче сначала выстрелить, а потом разбираться. Во всяком случае, в таком глухом месте это было бы нормально.

Увидев меня, водитель стал притормаживать, а сидящий рядом мгновенно достал автомат и направил на меня. Джип остановился

– Положи автомат и подойди, – приказал тот, что с автоматом. Я медленно положил его на землю и приблизился.

– Руки не опускать, – снова приказал он, и, увидев мою реакцию, сообразил, что я понимаю его.

Тот, что с автоматом был в звании сержанта. Он вышел из машины, это был крупный мужчина лет тридцати, ростом выше ста восьмидесяти сантиметров, широк в плечах. Короткие волосы выглядывали из-под широкополой шляпы, защищая лицо, от жаркого солнца, и встал напротив меня, разглядывая, и было что. Одежда моя была испачкана, руки тоже. Его глубоко посаженные глаза внимательно изучали меня.

– Кто такой и как здесь оказался?

– Я Жан Марше, журналист, – ответил я по-английски. – Заблудился, вышел к какому-то полю, где меня обстреляли и отправились в погоню, но мне удалось убежать.

– А автомат тебе подарили преследователи? В догонялки играли или в войну? – иронично спросил он. – Дик, – обратился он к водителю, – посмотри у него документы.

Дик вышел из машины. Этот был помельче, но всё равно достойный экземпляр американской армии. Контрактники, – решил я.

Дик, подойдя ко мне, обыскал, достал паспорт, полистал его и подтвердил: – Он именно тот, как себя назвал, а уж журналист или нет, не известно.

– Возможно, только я не слышал, чтобы журналистам выдавали оружие. Ладно, позвони майору, сообщи ему о встрече. Пусть разбирается.

Дик залез в машину и по рации сообщил обо мне, а затем крикнул: – Джо, майор приказал привезти его к нему.

– Поехали, хоть нам и не по пути, оказывается, – известил меня Джо. – Достань веревку и свяжи ему руки, – приказал он водителю. – Так на всякий случай, – сообщил он, обращаясь ко мне, – а то кто тебя знает, что ты умеешь, кроме того, как таскать автомат по лесу, пугая зверей.

Дик выполнил его указание, связав мне за спиной руки, а Джо, подобрав автомат с земли, сел со мной на заднее сиденье. Машина развернулась и поехала в обратном направлении. Вскоре мы проехали поворот, откуда я пришёл, и направились дальше, что меня порадовало. Километров через десять, машина подъехала к воротам, что были среди высокого забора, закрывавшего территорию от любопытных глаз. И всё это среди леса. Едва мы подъехали, как ворота открылись, видимо нас уже ждали.

Когда въехали на базу я осмотрелся, солнце уже почти скрылось за деревьями, но это не помешало мельком окинуть территорию; была она не очень большая, с компактно расположенными зданиями: несколько ангаров, здание с антеннами, и прочие строения, что так необходимы для армейской жизни. Все сооружения были одноэтажные и располагались среди деревьев. При строительстве вырубали деревья там, где только ставили строения. С воздуха сразу и не заметишь эту территорию, лес и лес. Мы подъехали к дому, с небольшой верандой, на крыльце стоял мужчина лет сорока, смуглый, загорелое лицо которого, с любопытством наблюдало за нашим приближением.

Выйдя из машины, Джо доложил майору, а это был он, и передал ему мой паспорт. Тот пролистал его, и приказал: – Развяжите. Пошли, – и, открыв дверь, вошел внутрь, не оборачиваясь.

Мне развязали руки, и я в сопровождении Джо отправился следом за майором, заметив по пути на веранде кресло-качалку, что несколько удивило меня. Но у каждого свои слабости и, наверное, майор любил, покачиваясь в кресле, наблюдать за ходом жизни на безе. Пройдя по коридору, Джо указал на дверь, справа, что была открыта, где за столом уже сидел майор. Обстановка в кабинете была достаточно казенной. Из окна, за спиной майора, была видна лужайка, которая обтекала огромное дерево, листья которого не позволяли пробиться жарким лучам в кабинет.

– Присаживайтесь, – предложил он мне. – Сержант, поставьте кого-либо в коридоре, а пока закройте дверь.

Когда дверь за сержантом закрылась, он положил мой паспорт, что держал в руке на край стола, и, посмотрев на меня в упор, произнес:

– Расскажите мне, как вы оказались в этих краях, и что здесь искали?

Я не стал отводить взгляд и, придав своему лицу, выражение готовности к сотрудничеству, начал рассказывать. Обманывать сильно мне не было смысла, и я рассказал, почти все, начиная от выезда из Буэнос-Айреса.

За время моего повествования, майор ни разу меня не перебил, лишь следил за моей интонацией и мимикой. Когда я закончил, он вымолвил, проявив обычный интерес: – Звучит убедительно. Вы забыли сказать, сколько было преследователей, и как у вас оказался автомат?

Вопрос был с подвохом, который мог быть проверен. Если скажу, что трое, то получается, что мне повезло. Автомат был тем аргументом против меня. Надо же журналист, а справился с тремя вооруженными людьми, и точно не простаков. Скажу один – то почему убежал. Всё же я решил пока не говорить всего.

– Точно не знаю, я оглушил одного, забрал автомат и побежал дальше.

– И как вам это удалось?

– Я залез на дерево, в надежде спрятаться, а тот бедолага, у которого я отобрал автомат, остановился под ним, и случайно подняв голову, увидел меня. Мне ничего не оставалось, как прыгнуть с дерева на него. Я не знаю, что у него было тогда на уме, но если меня преследуют с автоматом, я не имею привычки вставать на пути пуль.

– Хорошая привычка, и видимо не в первый раз. Крутой парень. Оставьте эти сказки для других. Не пройдёт, во всяком случае, со мной.

– Не пройдёт?

– Нет.

– Я не крутой, а просто мужественный.

– Ладно, – не стал погружаться в дискуссию майор, – как вы понимаете, я не могу верить вам на слово. Побудете пока у нас, а мы тем временем наведем о вас правки. Время позднее. На этом закончим. Разберемся.

– Я понимаю.

– Ваше понимание мне ни к чему. Вы должны радоваться еще одному дню жизни. Я пока не имею желания вас убивать. Но кто знает, что будет дальше.

Он встал из-за стола, открыл дверь, и, выглянув в коридор, сказал: – Войди – и вернулся в кабинет к столу. За ним вошёл солдат

– Отведи его в казарму, запри в одиночной камере.

Я встал и обратился:

– Извините господин… – и замолчал, не зная, как к нему обращаться, он понял

– Майор Ренойльд.

– Извините, майор Рейнольд, а могу я умыться?

– Пусть умоется, и дайте ему поесть. Молите Бога, – обратился он ко мне, – чтобы вы оказались тем, кем представились. И ещё, подумайте, может быть, что вспомните поподробнее. Освежите память. Время у вас пока есть.

Я, в сопровождении солдата, вышел на территорию, и пока мы по ней шли, я внимательно изучал её расположение, хотя сумерки уже закрыли всё, а фонарями она не освещалась, лишь светом из окон. Ни одного вида техники, всё в ангарах, нет ни одного праздно шатающегося солдата. Было тихо и даже уютно. Войдя в казарму, мне дали возможность умыться, а затем отвели в камеру. Едва я вошёл, дверь закрылась. Помещение было маленькое с минимумом мебели: кровать, стол, стул, а в углу ведро, наполовину наполненное водой. В его предназначении сомневаться не приходилось. Маленькое окно было забрано решёткой. Под потолком светила слабая лампочка, затянутая сеткой.

Помещение предназначалось видимо для своих провинившихся, а не таких гостей, как я. При желании отсюда выбраться не составляет труда, но вот зачем?

Мне принесли поесть, и затем унесли всю посуду, оставив большую кружку с водой.

Время у меня было; я лег на тонкий матрас, что закрывал доски кровати и предался воспоминаниям. Они начались с серого августовского дня на Монмартре в Париже.

2

– Грустим? – услышал я голос рядом. Я знал, кто это спросил, как и слышал его шаги. Это был Николя, владелец одного из многочисленных магазинчиков, здесь же на Монмартре.

Мы познакомились на теме картин, которые я иногда покупал для своей галереи. Ему было за шестьдесят, но разница в возрасте никак не сказывалась на наших отношениях. Он был по-житейски мудр, а я был профессионально опытен. Здесь, в этом кафе, мы иногда и встречались, даже не договариваясь предварительно.

– Есть такое дело, – ответил я, не поворачивая головы. – Присаживайся, а то погода наводит скуку на моё одиночество, – намекая на моросящий дождь.

– Глядя на проходящих людей, я порой думаю, что я на маскараде, – высказал он мысль, все ещё стоя рядом.

– Надо знать правила маскарада.

– Я их знаю, так как сам ношу маску.

– Всегда?

– Нет, конечно, – хохотнул он, – но если не хочешь, чтобы тебя узнали, не снимай её.

Если бы он знал, как близок к истине, что я, надев маску много лет назад, так и не снимаю её.

– Знаешь, какое главное правило маскарада?– продолжил Николя.

– Нет.

– Не заглядывай под маску смерти.

Он стоял рядом со столиком, а я сидел. Мы оба смотрели на улицу, и каждый задумался о своём. Мелкий дождь выстукивал по листьям свою едва слышную мелодию. Окружающая обстановка навевала грусть. Август был теплым, но серая пелена дождя накладывала отпечаток на моё состояние. Не могу сказать, что я пребывал в расслабленном состоянии, что было роскошью для меня, но и находиться в напряжении не видел смысла. Опыт. То, что ожидало меня впереди, никуда не исчезнет.

Сегодня утром, проходя по галерее одного из крупных магазинов, я увидел сигнал, что в тайнике для меня оставлена информация. По метке я знал, в каком тайнике она лежит. Их было несколько, чтобы я не появлялся в одном и том же месте часто, но на этот раз место было не самое удачное, прийти туда я не мог просто так, требовалось искусство перевоплощения.

Я был профессионалом, и об этом мне не следовало забывать, поддерживая, как нервную, так и физическую форму. Конечно, и у меня бывают перепады настроения, но моя жизнь отличалась от обычной. Я должен был уметь отключать неизвестно, какую часть мозга, которая в данный момент была не нужна для решения задачи. Но вот беда, всегда появляются посторонние мысли, которые пытаются сбить с толку, помешать, врываясь или вползая в мозг, и я должен был уметь противостоять. И умел, научили.

«Ну что же, – решил я в тот момент, – значит, закончилась моя спокойная жизнь». Я не стал забивать себе голову мыслями о том, что там может быть и как быстрее изъять информацию. Поспешность не была спутницей в моих делах. Задание было обязательно в другой стране. А здесь, в Париже, я жил. Наверное, это было исключение, что разведчик – нелегал, а я им и был, не работал в стране проживания. Но так было и так будет.

Сейчас я хотел подарить себе ещё немного времени, подарить наслаждение покоем и этим прекрасным городом, прежде чем покинуть его, не известно на какое время. Этого не мог знать никто, но я всегда надеялся вернуться сюда.

До прихода Николя, я сидел в одиночестве на веранде в своем любимом кафе на Монмартре, где любил сидеть и наблюдать за прохожими, где я мог погрузиться в свои мысли, изредка отвлекаясь, чтобы отпить вина из стакана. Легкая непогода рассеяла толпы туристов, обычно мельтешащих и толкающихся локтями на узких улочках у лотков с сувенирами. Сейчас было относительно тихо. Сюда не доносился шум машин, лишь речь туристов со всего мира, создавала неподражаемый шум языкового коктейля.

– Ну что стоишь? Садись. Или тоже грусть одолела? – предложил я вновь.

Николя сел рядом и посмотрел на площадь, что была перед нами: – Во всем надо видеть свои радости, мой мальчик, даже в такую погоду. Она позволяет подумать, а не рассматривать толпы туристов, оценивая их.

– Зачем их оценивать?

– Да мы это делаем непроизвольно, когда сидим, когда у нас больше времени, и нечем заняться, вот тогда и смотрим, кто, как идет, кто, как выглядит. Развлекаемся. И в этот прекрасный момент безделья, у тебя временное затишье и ты можешь погрузиться в себя. Так что не унывай.

– Да, в гости пришли воспоминания о прошлом.

– Эх, куда тебя занесло! – засмеялся он. – Ладно я, мне много лет, а ты-то что?

– У меня тоже есть прошлое.

– Прошлое есть у всех, но у тебя впереди больше, чем позади и ты его ещё можешь оставить не оборачиваясь. Каким бы оно не было. Надо учиться жить заново, если дверь в эпизод твоего прошлого закрылась, как будто того прошлого и не было.

– Легко говорить, – ответил я, понимая, что неизвестно большее у меня впереди или уже позади.

– Легко, когда созреешь для этого, понимаешь, что не стоит жить прошлым.

– Но прошлое нельзя забывать. Не волнуйся, – обратился я к нему, также смотря на немногочисленных прохожих, – я не погружаюсь в него так глубоко, так, вспомнились отдельные моменты.

– Жизнь постоянно заставляет нас двигаться вперед и постоянно ставит перед выбором, от которого зависит, как сложится судьба.

– А может быть, наоборот? Судьба ставит нас перед выбором?

– Тоже не плохая мысль. Ты мой, друг не по годам рассудителен.

– У меня есть серое вещество, которое иногда работает, правда его наличие не служит гарантией успеха.

– Ты прав, ему тоже надо отдыхать.

Я несколько месяцев назад вернулся из своей очередной поездки и по прибытию зализывал душевные раны, физических, к счастью, удалось избежать. Если бы они были, то не сидеть бы мне сейчас здесь и не вести беседы. Не жизнь, а судьба ставит перед выбором, который передо мной возникает постоянно. Главный свой выбор я сделал давно, ещё тогда, когда едва выкарабкался из лап смерти. Тогда, после тяжелого ранения я получил предложение перейти на нелегальную работу в разведку. Я не очень долго думал, находясь в закрытом госпитале в одной из стран. Да и о чём было думать? Близких родственников у меня не было; родители погибли, а дальних я почти не знал. Я мог вернуться на Родину, но что там буду делать, не представлял. Моя военная подготовка не очень подходила к гражданской работе. Я владел многими видами оружия, рукопашным боем, знал несколько языков. Много чему учили, чтобы выжить или убивать. Меня уже тогда поставили перед фактом, что для всех я погиб. Я не обиделся на столь поспешное решение. А может быть, и не осознавал ещё, лишь потом я понял, что оно было разумным. Если бы решил вернуться, то сочли бы мою гибель ошибкой и списали, но я уже вкусил плоды своей службы и согласился. Снова началась учёба в одиночестве. Тогда я, Егор Зотов, и взял псевдоним «ZERO». Что мой псевдоним? Когда-то я взял его, объяснив свой выбор, и лишь потом прочитал в «Тайной доктрине» Блаватской Е.П., что «нуль становится числом, только когда одна из других девяти цифр предшествует ему, являя, таким образом, его сумму и мощь». Это было про меня. Мой выход наступал, когда совершалось какое-то событие, не без участия человека. Мне всегда предшествовал кто-то. И я должен был показать свою силу и возможности.

И вот уже много лет я живу под чужим именем. Все, что было потом в моей жизни, из памяти не выбросишь, особенно первую поездку в Китай. Но это уже было в прошлом. Насто-

ящим было только одно – я жил во Франции и был её гражданином. В эту страну я возвращался после задания. Здесь меня знали, как Жана Марше. К себе на Родину я с тех пор так и не выезжал, после принятия того судьбоносного решения. Сколько лет прошло. Кто я на самом деле – знали единицы, да и в личном деле были только ссылки. Если почитать его не понятно кто я на самом деле, а тот уже давно погиб. Там был лишь псевдоним. Я не встречался лично со связниками, лишь только с тем, кого знал много лет лично – снижая опасность провала. Исключить этого нельзя, но снизить вероятность надо. Я помнил, что предавать могут только свои.

И вот я сидел в кафе, бездельничая, отдыхая, стараясь отвлечься от предстоящего задания, и выдавая себя за бизнесмена, каким я впрочем, и был. Официально я владел не большим арт-салоном, иногда публиковал статьи об искусстве, занимался коммерцией. Во всяком случае, финансово я был независим, и даже можно считать обеспеченным. Изучению искусства я посвящал свое время в Китае, тогда и сделал это направление одним из своих прикрытий. Это помогало и в общении.

– Жан, – услышал я голос Николя. – Вернись. Уже проглядывает солнце, и народ вышел на улицы.

– Да, я вижу.

– Ну и хорошо, а то я подумал, что уйдя в себя, вернешься ли? – улыбался Николя глазами.

– Это не для меня. Я люблю жизнь.

– Вот, правильно мыслишь, – изрек он, отпивая из стакана, – нечего бродить по закоулкам памяти. У всего в жизни есть срок, так что не стоит уходить в себя. В этом мире и так просто заблудиться и надо попытаться стать счастливым в любом переулке на пути.

– Так уж и в любом?

– Я же сказал надо попытаться.

– И куда деть груз прошлого?

– Да ты что!? – удивленно посмотрел он на меня. – Ты еще молод, прекрасно выглядишь. Это мы старики уже потеряли свой лоск, хотя в душе ещё молодимся. Это нам приходится слишком много таскать с собой на душе. У тебя в ней ещё полно свободного места.

– Да она у меня бездонна.

– И хорошо. Тебя должно интересовать многое, особенно женщины.

– Ты думаешь, они меня не интересуют?

– Я так не думаю, но вот обрати внимание, – и он указал взглядом за веранду, где у лотка остановилась молодая женщина, среднего роста, в белой блузке, легком пиджаке, тёмно-синей юбке. – Видишь её. Очень привлекательная француженка.

– Она не француженка.

– Почему?

– В это время, такие, как она, здесь не ходят. Одета более строго. Не из офиса вышла сюда.

– А давай узнаем? – предложил Николя.

– И кто пойдет? – спросил я.

– Странный вопрос, ты, конечно. Если я прав, то ты платишь, если ты прав – я.

– Договорились, – согласился я, чтобы как-то разнообразить этот день. Захотелось небольшого приключения, хотя их в моей скрытой от посторонних глаз жизни, хватило бы на несколько человек. Я вышел с веранды и подошёл к женщине.

– Извините, – обратился я к ней, и она подняла голову. Глаза её были глубоко синими, нос чуть в веснушках. – Вы француженка?

– Нет, – ответила она с акцентом. – А почему такой интерес?

– Мы с приятелем поспорили. Он говорит, что вы француженка, а я что нет.

– Я ещё ни разу не была предметом спора.

– Ну, всё бывает когда-то впервые, – улыбнулся я. – Не обижайтесь.

– А почему вы решили, что я не француженка? – Поинтересовалась она.

– Время не для посещения Монмартра, более строгая одежда, ну и так чутье. Чтобы оправдаться перед вами, я приглашаю вас за наш столик. Мой друг Николя приличный человек, он владелец одного из магазинов здесь, на Монмартре.

– А вы приличный?

– Не то слово, я не знакомлюсь на улицах, но вы исключение. Так согласитесь разрешить наш спор?

Она чуть задумалась: – Ну, хорошо, я попробую испытать приключение в Париже. Пойдёмте.

Мы вошли на веранду и когда подошли к столику, Николя встал.

– Николя, позволь тебе представить… – тут я замолчал, давая ей возможность назвать себя.

– Сара.

– Присаживайтесь, – предложил я ей и, подозвав официанта, заказал вино для неё. – Меня зовут Жан. Кстати, Николя, Сара из Англии.

– Откуда вы знаете? – удивилась она.

– По акценту понял.

– Верно, я из Англии. А вы лингвист? – обратилась она ко мне. – Или медиум, раз поняли?

– Нет, я коммерсант, но много езжу и стал отличать, кто есть кто. Если у вас будет желание и время, я расскажу вам об этом потом поподробнее, – и заметил, как улыбнулся Николя.

Официант принес вино, и мы просидели около получаса, в течение которого узнали, что Сара приехала в Париж по делам, но не в первый раз. Она хоть и ходила по Парижу, но наспех, не было времени, а вот сегодня ей захотелось без прежней суеты побродить по Монмартру, а если удастся, и по городу.

– Это у нас впервые такой спор, – пояснил я Саре. – Так было грустно, и мы вели пустой разговор. Он уверял, что меня в первую очередь должны интересовать женщины и вот тогда обратил внимание на тебя.

– И интересуют?

– Конечно, но чтобы как-то скрасить наше пари, я предлагаю тебе экскурсию по городу. Интересно? – решил я попробовать занять себя этим днем, отложив вопрос задания на потом. Это я мог себе позволить.

– Разумеется, – ответила Сара, с интересом рассматривая меня, оценивая, насколько я подхожу для роли экскурсовода.

– Париж притягивает своей изысканностью, – начал я. – Это город, по которому надо ходить не спеша, это город романтики. Когда ходишь по его улицам, площадям появляется желание заморозить время, остановить его, чтобы почувствовать его. Знаешь, когда просыпаешься утром, и в окно светит солнце, хочется выйти на улицу, зайти в кафе, выпить чашку ароматного кофе с круассаном. Это туристы быстро ходят, превращая осмотр в суету, и не замечают романтики Парижа.

– А что надо чтобы почувствовать его?

– Остановиться на улице, на мосту, посмотреть по сторонам, чтобы сердце наполнялось нежностью.

– Тогда пошли. Ты так интересно рассказываешь, что хочется увидеть и почувствовать.

Николя сидел рядом и с интересом слушал нас. Поняв, что ему пора, он поднялся:

– Ну, все дети мои, мне пора и не по пути с вами. Желаю вам приятно провести вечер. Жан, покажи даме Париж, но так, чтобы она не умерла. Мы перед ней в долгу.

– Всё сделаю, – ответил я, и когда он направился к выходу, напомнил. – Не забудь заплатить.

Он кивнул головой.

– Ты когда уезжаешь?– спросил я Сару.

– Завтра.

– Тогда весь вечер наш. Я без машины, знаешь, люблю смотреть город не из окна автомобиля. Ты готова к пешей прогулке, она будет не проста?

– Готова.

Мы вышли из кафе и спустились вниз с Монмартра. Мы спустились из 18 округа к острову Сите. По пути я рассказал Саре, что Монмартр переводится как «Гора мучеников», в честь Дионисия епископа Парижа. По Новому мосту мы перешли на остров, посидели в сквере Вер-Галан, наслаждаясь видом Сены. Побродили по узким улочкам и, конечно, постояли на кругу перед Собором Парижской Богоматери – сердца Франции. Затем перешли по мосту на остров Сен-Луи, где всё выполнено в стиле старого-старого Парижа, здесь узкие улочки, очень свежий воздух и удивительной красоты постройки. Зашли в шоколадные магазинчики, где она накупила сладостей, а в лавке с украшениями она приобрела сувениры для себя и своих друзей. Я считал себя парижанином, и не мог не угостить женщину, чуть удивив её. Всё это время я рассказывал ей о городе и местах, где мы проходили.

– А теперь, после небольшого похода по магазинам, приглашаю тебя в ресторан, – предложил я голосом, не терпящим возражения.

– Ты думаешь, я откажусь? Ну, уж нет. Даже если это обычный ресторан.

– О нет, это не обычный ресторан, которых множество в столице, так, что она забита ими.

Мы прошли мимо лавки с оливками, и подошли к старинной двери дома номер 39, где была надпись «Nos Ancetres Les Gaulois», что в буквальном переводе означало «Наши предки галлы». Это несколько необычный ресторан. В нем можно хорошо поесть, выпить, и всё это в атмосфере шумной таверны.

– Об этом ресторане малоизвестно туристам, – пояснил я Саре. – Туристы приходят сюда случайно или как ты, пришла со мной, знатоком таких мест. Это одно из лучших мест в городе, хотя бы по обстановке.

И я говорил правду. Официант, который меня узнал, усадил нас за длинный деревянный стол, какие раньше стояли в пиратских тавернах в портовых городах.

– Тебя здесь знают, – заметила Сара.

– Да, бываю иногда, а иначе места не нашлось бы. Надо заранее заказывать.

И только после обеда мы позволили себе на десерт зайти в знаменитое кафе «Бертильон» (Berthillon), которое славится своим замечательным мороженым.

Мы прошли по набережной острова, с её неподражаемым колоритом, коим не наделена ни одна другая набережная Парижа. Сделали небольшой круг под кронами старых деревьев, спуститесь к самой воде, посидели на лавочке, любуясь видом вечернего Парижа…

– Ну, что, – подвел я итог. – Пора покидать этот маленький аккуратный остров, с его красивыми домами, улочками, которые производят впечатление сказочности, игрушечности. Пошли, еще что покажу.

Я пощадил Сару и на такси мы доехали по набережной до Лебединого острова, где находится Статуя Свободы.

– Обрати внимание, – рассказывал я ей, – лицо её обращено на запад – к своей «старшей сестре», а на табличке в ее руке выбиты две знаменательные даты – даты американской и французской революций. Вообще она родом из Франции, а её создателем был ни кто иной, как сам господин Эйфель. Статую Свободы в 1885 году Франция преподнесла Соединенным Штатам в качестве подарка по случаю столетней годовщины подписания Декларации Независимо-

сти США. Правда, французы почему-то опоздали с подарком на несколько лет. Как известно, США стали независимым государством в 1876 году.

– Тебе бы гидом работать. Я вот и не знала этого. Не думаешь сменить профессию?

– Даже если и захотел бы, не получится, прикипел. В бизнесе есть свои прелести, а для души у меня есть ещё и салон, так, что приходится много читать, чтобы знать город, в котором живешь, в свободное время от работы.

– А оно у тебя есть, свободное время?

– Бывает, как, например, сейчас.

Сара оказалась приятной собеседницей и была очень общительна. Уже когда стемнело, по её просьбе, мы зашли в один из крупных магазинов, где она хотела что-то купить. Мне было не в тягость сопровождать её.

Сара купила всё, что хотела, мы ещё побродили по вечернему Парижу, воздух которого был наполнен благоуханием романтизма и любви.

– И что теперь? – спросила она, когда мы оба решили прекратить хождение по городу. – Я не знаю, как тебя благодарить, какова цена твоей услуги?

– Я денег не беру. Надо жить и духовной пищей, – ответил я, глядя ей в глаза.

– Это я как раз поняла. Кроме духовной пищи есть и иные. Поехали?

Я понял, что она имеет в виду. Всё привело к тому, что Сара ночевала у меня.

3

Утро было солнечным и приятным, похожим на то, о котором я говорил Саре вчера. Единственное отличие было в том, что мы не пошли в кафе пить кофе, и есть круассаны. Кофе мы пили на кухне. Скованности от проведенной вместе ночи не было, взрослые люди, но вот времени провожать её, у меня не было тоже.

– У меня самолет после обеда, ещё надо заехать в отель забрать вещи, – сообщила мне Сара. – Не надо меня провожать, не будем портить воспоминания о вчерашнем дне, – предложила она, словно прочитав мои мысли. – Встретились – разошлись. Смысла встречаться ещё раз, нет.

– Почему? – спросил я из вежливости, хотя сам считал так же.

– К чему нам эти ненужные воспоминания? Мы же не будем продолжать отношения. Ты не склонен к семейной жизни. Ты эгоист.

– Даже так?

– В хорошем смысле. Эгоист по природе. Ты любишь жить один. Ты не спрашивал ничего обо мне и это замечательно, тебе это не надо, а мне тем более.

– Ты что секретный агент, что не можешь о себе рассказать?

– Кто знает. Чтобы я ни сказала, всё может оказаться ложью.

– Часто приходится лгать?

– Не больше чем другим. Если захочется увидеть тебя, где искать знаю – на Монмартре.

– Я бываю там, но не скажу, что часто, – выдал я ей долю правды, если правда бывает в долях.

Мы допили кофе, я вызвал такси, и Сара уехала, оставив после себя легкий аромат духов. Мне стало легче, теперь я был свободен, и пора было направляться к тайнику. Позвонив Элен – директору моего салона, я известил, что задержусь, вздохнув с облегчением, что вновь остался один.

После ухода Сары, я должен был войти в норму своей привычной жизни, жизни своего дома, где был привычный для меня порядок. В нем был уют, созданный мной, чтобы заполнить пустое пространство квартиры, но я свыкся с этим порядком. Я привык к тишине, наверное, даже сжился с ней, как и с одиночеством в доме, когда я мог сидеть в кресле, размышляя, зная,

что никто не будет меня отвлекать. Неизвестно, смогу ли я вообще жить с кем-либо под одной крышей, чтобы меня не раздражали, пусть и самые приятные люди. Даже временные красотки становились в тягость, как только их роль исчерпывалась. Цинично, конечно, но факт.

И главное, живя с кем-то, обрастаешь привычками. Став нелегалом, я знал, что таких, как я, вычисляют по привычкам, и старался не забывать об этом. Иногда я носил очки, иногда нет. У меня было любимое вино, но старался не отдавать ему предпочтения, периодически меняя сорта и марки вин. Ходил в самой разнообразной одежде: тёмных и светлых костюмах, джинсах с футболками. Кстати об одежде.

Место, куда мне следовало ехать, требовало подготовки и очень тщательной. Это был район Сен-Дени, достаточно неспокойный район, где жило много иммигрантов из бывших колоний. Днем ещё можно пройти, проехать, как туристу, но у меня была иная задача, я должен был извлечь информацию. Почему её там заложили, я мог только догадываться – видимо связник либо приезжал туда, либо там жил и ему удобнее было провести закладку там. Возможно, он был арабом, а значит и мне предстояло им стать. Искусству гримироваться меня научили.

Около часа я потратил на грим, но оделся более привычно для Парижа: рубашка, джинсы, кроссовки, но достаточно дёшево. В зеркало на меня смотрел мужчина-араб, лет под пятьдесят.

Выждав время, чтобы не попасться на глаза кому-либо из жильцов дома, следующих на работу, я спустился в гараж и выехал.

На машине я доехал до метро, и, припарковав её, спустился на платформу, а затем по 13-ой ветке доехал до станции Базилик-де-Сен-Дени. Далее я углубился в улицы. Мимо, без сирены, проехала машина скорой помощи в сопровождении полицейских. Иначе нельзя появляться в этом районе, были случаи нападения на врачей. Изредка вглядываясь в ряды домов, я прошёл вдоль улицы, и возле обшарпанного дома, свернул в грязный, безлюдный переулок, в который едва слышно доносился шум улицы. «Не могли найти место получше», – в очередной раз подумал я, так как изучал все места тайников заранее, чтобы не тратить время на их поиски и не вызывать подозрения. Я должен был ориентироваться свободно. «Могли бы и в другом районе заложить, арабов по улицам Парижа не гоняют. Ну что ворчать, – успокоил я себя, – как есть, так и надо выполнять задачу».

Я подошёл к невысокому старому дому, построенному более полувека назад. Потемневшие стены, выложенные белым кирпичом, не придавали ему красоты. Между домами-двойниками была небольшая ниша, которую можно заметить, только проходя мимо. Солнце туда не проникало, за счет общей крыши соседних домов, и антрацитовая темень, могла укрыть, если было необходимо. Я, не замедляя шага, шагнул в нишу и в стене одного из домов нащупал щель, из которой извлек маленькую плоскую коробочку, бросил её под картонное дно сумки, которая висела на плече, и вышел, не спеша, направляясь в обратную сторону.

– Эй, приятель, подожди, – услышал я голос за спиной. Обернувшись, понял, что убегать себе дороже. Я увидел направляющихся в мою сторону парней-арабов лет по двадцати.

– Ты что там делал? – спросил один из них. – Мы тебя раньше здесь не видели.

– Да вот приспичило, – пробормотал я, придав голосу извиняющиеся нотки.

– И ты посчитал, что у нас здесь общественный туалет! Ты ушёл, а мы должны здесь всем этим дышать и жить с запахом твоих нечистот?

– Да я там не первый, – робко произнес я в ответ.

– Но ты здесь чужой. Покажи-ка, что у тебя там, в сумке? – и, видя, мою нерешительность, тот, кто начал разговор, протянул руку и взялся за сумку. Я решил пока не вступать в конфликт, а посмотреть, что будет дальше и принимать решение по ситуации.

Парень открыл сумку, посмотрел и достал из неё пакет, где были бутерброды с сыром, и бутылка воды. Всё это я предварительно положил ещё дома.

– Не густо. Где живешь?

– В Лионе.

– А сюда зачем?

– Вот захотелось посмотреть Париж.

– Посмотрел? Ты что туалеты здесь смотришь? Покажи-ка, что у тебя есть из денег.

Я достал из кармана смятые бумажные деньги, коих было не много: – Вот, всё что есть, – и разжал ладонь.

Он сгреб их у меня с ладони: – Забери, свое барахло, – и протянул мне сумку. Проверять её на ощупь он не стал, и это избавило меня от крайних мер.

– Уматывай.

Я, повесив сумку, повернулся, и в это время один из них, пнул меня ногой, так, что я еле удержался.

– Поторапливайся, а то ещё накостыляем, – и они засмеялись.

Я ускорил шаг и вышел из переулка. Ввязываться в драку мне не хотелось – это привлечь к себе внимание, хотя на них мне потребовалась бы всего минута, другая. Во всех случаях я предпочитал искать мирные решения, а не оставлять после себя лежащих или вообще трупы. Убивать меня учили. Я старался не терять навыков и тренировался систематически в неприметных залах. Использование своих навыков – крайняя мера, иногда надо было и потерпеть.

Проделав обратный путь, я сел в машину и направился в Булонский лес, там припарковавшись, снял грим, и лишь затем направился домой, где первым делом снял одежду и пошёл в душ, смывать остатки запахов и грима.

Уже потом, сидя с чашкой кофе, я приступил к расшифровке послания. Мне следовало отправиться в Латинскую Америку и желательно в Аргентину или в Бразилию. В последнюю ехать было сложнее, там государственный язык португальский, я его почти не знал. В Аргентине испанский, это для меня почти родной. Выбор, въезжать в страну под своим именем или нелегально под чужим, оставался за мной. Всё зависело от возможностей. После того, как я найду канал для выезда и буду готов, мне сообщат данные для связи.

Я сжёг записку, а затем отправился в салон, предварительно выбросив в контейнер для мусора металлическую коробочку и одежду, в которой был в Сент-Дени.

4

В салоне было тихо, лишь Элен просматривала какой-то каталог.

– Что нового? – поинтересовался я.

– Всё не плохо, но надо обновлять экспонаты, в последнее время они хорошо продавались и коллекция поредела.

– Ещё бы, что я зря кручусь возле богатых, обеспеченных клиентов.

– Ладно, кто возле кого крутиться ещё вопрос. Ты, конечно, уделяешь им внимание, но у тебя удивительная способность увлекать их собой – они больше стараются завоевать твоё внимание.

– Неужели это так! – деланно удивился я. – Не замечал. А на женщин это тоже действует?

– К сожалению, – поделилась она. – Видимо есть в тебе что-то.

– Я знаю, что, – уверенно заявил я. – Холост, вот и вся причина. А ты-то как выдерживаешь?

– Пью успокоительные, – улыбнулась она. – Что касается обеспеченных, то сам не прибедняйся. – Элен не знала всех моих возможностей, но, безусловно, догадывалась, что финансово я был обеспечен, иначе, откуда деньги для покупки произведений искусства. У меня был стартовый капитал в начале своей деятельности, а затем я заработал денег на китайской операции, да и так занимался иногда иной коммерцией.

– У тебя есть предложения, что нам надо приобрести?

– Вот читаю, куда движется мода в области искусства.

– Элен, мода движется туда, куда её направят специалисты, в том числе и мы с тобой. Но ты права, надо что-то свежее. Как ты думаешь, уклон в Латинскую Америку пройдёт?

– Не ново, но можно подумать.

– Вот и думай. Есть у нас специалист по культуре Латинской Америки?

– Мишель Рено.

– Значит, мне надо с ним встретиться.

– Жан, как понимаю, ты собрался за океан?

– Почему бы и нет! Что-то засиделся я здесь, а то скоро завою от скуки.

– В ближайшее время в Лувре будет выставка, один день отдан журналистам и специалистам. Там думаю, будет Рено. Да, ты его знаешь, – сообщила Элен.

– Это такой невысокий, плотный, чуть с залысинами и немного картавит?

– Именно он.

– Пригласительный мне доставать или ты?

– Не утруждай себя. Принесу.

Знакомство с экспертом было важно для дальнейшей деятельности, он мог вывести на нужных и не бедных людей, которые часто и влияют на жизнь и действия тех или иных органов государства. Оплатить поездку Центр мне не мог, но польза от поездки должна быть определённо. Въезжать в Аргентину чисто под видом покупателя произведений искусства, мне не хотелось. Эта поездка неизвестно сколько могла продлиться, хотя я и мог себе это позволить, но это трата средств; надо было искать и другие варианты для поездки.

Если бы я был у себя в Центре, там нашли бы возможности, но отправлять меня из Франции, им было не под силу. Помочь могли только документами для нелегального въезда, но тогда мне пришлось бы исчезнуть из Франции и добираться через третьи страны, а легально только я сам.

Рассчитывать на удачу, было глупо, её надо было организовать. Любую встречу, любое знакомство я должен был направить на достижение цели, тогда удача и не пройдет мимо.

Элен принесла мне приглашение, и в нужный день я был в Лувре, где и «случайно» встретил Мишеля Рено. Я ему представился, он меня узнал и мы сев в уголке, и поговорили о выставке. Я его расспрашивал об особенностях культуры Латинской Америки, а он обстоятельно рассказывал, найдя в моем лице благодарного слушателя. Слушать его было приятно и интересно. Под конец разговора он заметил:

– Я вижу, что вы разбираетесь в живописи, скульптуре. Если надумаете работать в этом направлении я дам вам рекомендации.

– Буду очень признателен, – с благодарностью ответил я.

Когда он ушел, то я прошёлся еще раз по залам и направился к выходу, где почти столкнулся с Сержем Дюпоном – журналистом одной из газет, с которым был давно знаком, и в газете, где он работал, иногда публиковали мои статьи.

– Привет, Жан, – окликнул он меня. – Что это ты со стариком Рено беседовал? Интересует культура Латинской Америки?

– Есть такое дело, начал проявлять к ней интерес.

– И в чем он, если не секрет? Пойдем, посидим, выпьем по чашке кофе? Я угощаю.

– И я расскажу тебе о своих планах? Так что ли? – засмеялся я.

– Примерно.

Я не возражал и мы, выйдя из Лувра, направились вдоль набережной, дойдя до ресторана Luncha, зашли, разместившись на открытой веранде.

– Так какой у тебя интерес к Латинской Америке? – начал допытываться Серж.

– Есть мысль съездить, но кратковременная поездка не очень интересна, а длительная затратна, – всё это было правдой, но сама идея у меня появилась, едва я увидел Сержа. Идея,

которая хоть и была бредовой, но могла и выжить от скудоумия, в котором я пребывал в поисках канала выезда.

Серж потер кончик носа: – Есть одна идея, только не говори, нет, сначала подумай над ней. У нас в ближайшее время вернётся из Аргентины корреспондент, а замены пока нет.

– И ты предлагаешь подумать об этом мне? – вымолвил я несколько лениво.

– Предлагать не могу, могу подбросить идею главному редактору. Ты, кажется, знаешь испанский?

– И английский и много чего.

– Вот видишь, – он замолчал, что-то обдумывая, а я не тропил. – Там сложно работать, – признался Серж.

– Догадываюсь. Также как и то, что я не журналист.

– Да брось ты, твои статьи написаны не хуже тех, кто учился журналистике. Зато у тебя может появиться возможность побыть там подольше. Не часто бывает, чтобы удалось совместить личное с работой.

Идея Сержа была, как нельзя, кстати. Это и была удача. Мне было нужно не напрашиваться, а чтобы инициатива исходила от него.

– Не часто, – согласился я. – Мне надо подумать.

– Суток хватит?

– Что ты так торопишься?

– Да я начальник отдела, вот и тороплюсь, а то отправят меня, а у меня здесь семья, а ты один. Так что?

– И чтобы вы без нас холостяков в этом мире делали?

– Нашли бы себе занятие.

– Знаю я ваши дела. Ладно, завтра позвоню.

– Если дашь согласие, тогда я пойду к главному.

Вечер я провел в раздумьях, хотя думать было не о чем и так всё было ясно. Я должен был взять паузу, и нужно было продумать условия, на которых я мог бы поехать, не ущемляя себя в правах перемещения и особенно возможности вернуться. На другой день я позвонил Сержу и дал согласие, но известил, что у меня есть условия.

– Как не быть, – отреагировал Серж. – Я поговорю с главным, и потом тебе перезвоню, условия обговаривать будешь с ним.

– Звони. Мяч на вашей стороне.

Интересоваться, как долго мне ждать ответа, я не собирался, всё должно быть построено так, чтобы они нуждались во мне больше, чем я в них.

Примерно через пару дней Серж позвонил и предложил приехать к ним в редакцию. Когда мы с Сержем вошли в приёмную, секретарь вежливо поздоровалась и разрешила войти к главному редактору. Главный предложил нам присесть и произнес:

– Присаживайтесь. Так вот, разговор у нас с вами серьёзный, а времени маловато. Совсем нет времени. Приступим к делу. Прежде чем принять решение, я хотел бы что-то узнать о вас, – поинтересовался он из вежливости, зная ответ.

– Не возражаю, а что именно вас интересует? – спросил я

– Что сочтете нужным сообщить.

– Я знаю несколько языков, интересуюсь искусством. У меня есть интерес к Латинской Америке. Да, что возможно, вам будет интересно – не женат, так что в этом направлении обо мне печалится из-за моего отъезда некому. У меня ясный ум, я прилежный и приложу все усилия, чтобы оказаться достойным вашего доверия, оказанного мне с вашей стороны, как нанимателя

– Шучу здесь я, – прервал мой рассказ о себе главный. – Если бы не необходимость, то я не выступал бы в роли нанимателя.

Я знал, что это его манера разговора, Серж предупредил меня, что ему нравится, когда его принимают за злодея, хотя был очень порядочным человеком.

– Иезуитских оправданий не будет, – парировал я.

– А вы знаете их девиз?

– Цель оправдывает средства.

– Верно, только цель есть, мы её поставим, а вот средства фиксированы. Не забывайте об этом.

– Учту.

– Мы предварительно обсудили возможность сотрудничества с вами, и о направлении вас в Латинскую Америку в качестве нашего корреспондента, – продолжил главный. – Ваши статьи я прочитал, слог хороший, но там надо не об искусстве, а событиях. Сможете?

– Пока не напишу, не знаю. Гарантий дать не могу.

– Это понятно, – вздохнул редактор. – У нас сложная ситуация. Наш корреспондент заболел и видимо надолго. Его возвращать надо, а человека умеющего писать и знающего язык, коммуникабельного, сейчас нет, не готовы мы были к этому. Серж предложил вашу кандидатуру, и если я правильно понимаю, вы не возражаете.

– Получается, что я для вас, как затычка, – не счел я нужным подбирать слова, прощупывая их заинтересованность. – Есть брешь и её надо заткнуть, а потом подберете другого, а затычку выбросим.

– Грубо, конечно, но в целом, похоже, – согласился редактор, – кроме последнего слова «выбросим». Должен признаться, что на текущий момент ваша кандидатура случайная наша удача, случайная находка.

– Удача не бывает случайной, – заметил я, и обратил внимание, что редактор в согласии кивнул головой.

– Возможно, вы правы, – снова согласился редактор, – но ваша фраза лишь подтверждает, что вы способны коротко и ясно выразить мысль. Вы умеете думать.

– А для чего еще нужен мозг? Если им не пользоваться, то он отмирает, как не нужный орган, – все чуть улыбнулись, а я продолжал. – Так что потом, когда найдете? У меня там есть и личные интересы.

– Это известно. Как только находим замену, вы можете остаться там нашим внештатным сотрудником, но платить уже тогда будем только за материал представляющий интерес.

– Это уже интереснее. Меня такие условия устраивают и чем быстрее вы примете штатного сотрудника, тем лучше. Конкуренции я ему составлять не буду, а личного времени будет больше.

– Это всё?

– Мне нужна будет официальная аккредитация и визы в ближайшие страны.

– Я думаю это реально. Насколько я понял, вы планируете побывать и в других странах?

– Это было бы желательно. Мишель Рено, специалист по культуре Латинской Америки, обещал дать рекомендации. Глупо было бы не воспользоваться этим.

– Согласен. Если вы пришлете интересный материал, то примем.

Далее мы обсудили вопросы взаимодействия с редакцией, условия оплаты. Уже когда разговор закончился, главный редактор в упор посмотрел на меня и произнес: – Учитывая, что у вас там дела, не имеющие отношения к редакции, если что с вами случится, пойдет что-то не так, то не связывайтесь со мной, потому, как я не пойму, о чем вы мне, черт возьми, толкуете. Избавьте меня от ваших проблем. Я буду глух. Понятно?

– Более чем.

Все это он сказал, не обращая внимания на мою реакцию. Получив наставления, я покинул здание.

После редакции я поехал в салон и сообщил Элен о своем решении.

– Опять! – грустно вздохнула она.

– Опять, – ответил я. – Но ты уже привыкла. Я тебе буду писать, и присылать открытки.

– Лучше бы сам вернулся, а открытки я могу и здесь купить.

– Вернусь.

– Надолго?

– Не знаю, – пожал я плечами.

На другой день я составил записку в Центр и заложил в тайник.

«Определился канал выезда в Аргентину. Время выезда ориентировочно сентябрь – октябрь. Жду данных о связном на месте. ZERO».

Коротко и ясно. Тот, кто получит, не должен знать под каким видом я туда приеду, под каким именем. В Центре даже не знали моего французского имени, за исключением одного человека. Я не мог попросить у них дополнительные документы, чтобы не знали, кем я могу там ещё быть. Эту задачу я должен был решить я сам. Чем меньше информации обо мне, тем больше степень моей защиты. И я её решил просто. В одном из банков, в сейфе, у меня были паспорта на граждан различных стран. В этот раз я решил прихватить паспорт аргентинца и англичанина.

Я начал готовится к поездке, встретился с Мишелем Рено и получил от него адреса и телефоны его коллег в различных странах Латинской Америки. Но это было не самое главное. Я начал практиковаться в испанском, изучать карты стран латиноамериканского континента, дороги, планы городов с улицами, привычки, и местные обычаи. Это хорошо в Центре, там подготовят информацию, а здесь всё приходилось делать самому.

Через неделю я получил сообщение о способах связи, что касалось самого задания, то я его получу по прибытию на место. Это с моей точки зрения было разумно, зачем тащить задание, пусть и в голове, через океан, мало ли, что может произойти. А там я буду уже на месте. Но характер работы я представлял. Задача нелегала – добывать информацию, данные, а анализировать её будут другие. Иногда это было плохо. Только если знаешь сам источник и факты, можно принимать решение. Любой аналитик пропускает данные через себя, и сухая информация преподносится в чуть облагороженном виде. Я рассчитывал, что моя информация не корректируется, а подается в том виде, как я её передал.

Работать в одиночку всегда тяжело, не с кем обсудить. Решения я принимал сам, как сам и выкручивался из ситуаций. Никто меня не признает в случае провала, и никто не обменяет. Меня не было, я давно умер, но как, ни странно, чувствовал я себя очень даже не плохо.

Так прошел месяц, и в начале октября я вылетел в Аргентину.

5

Едва я вошел в самолет, у меня взяли плащ и проводили к месту в салоне бизнес – класса. Полёт предстоял долгий; примерно тринадцать часов. Около полуночи самолет компании Air France поднялся из аэропорта Шарль Де Голь, и взял курс на Буэнос-Айрес в аэропорт Министро Пистарини.

Как только самолет набрал высоту, в салон вышла стюардесса, проверить пассажиров. Она шла по проходу, с приветливым взглядом, и на просьбы пассажиров участливо откликалась. Её поведение, манера, скорее напоминали не стюардессу на работе, а актрису, играющую роль стюардессы. Мало кто из пассажиров не поддавался её чарам. Иссиня-чёрные волосы, дерзкие зелёные глаза, которые словно рентген просвечивали мужские сердца. Когда она подошла ко мне, я чуть поднял голову.

– У вас всё в порядке? Вам что-нибудь принести?

– Зелье для хорошего настроения.

– У вас что-то не так? – вежливо поинтересовалась она.

– Тоска от разлуки с родиной, хотя там у меня никто не остался, – уточнил я для её сведения, что холост.

– К сожалению, в нашем меню есть только слабительное, – приняла она манеру разговора, понимая игру. – Принести?

– Только если одновременно со снотворным…Но, знаете, принесите мне что-то попить. Если я потом буду спать, то не будите на обед.

Она, молча, кивнула и вскоре принесла бутылочку кока-колы. Я, отпивая напиток, всматривался в темноту ночного неба, предаваясь раздумьям, и незаметно вернулся в своё далёкое прошлое.

Я вспомнил, все три учебных заведения, в результате учёбы в которых и стал тем, кем был сейчас. Но память вернула впечатления лишь двух последних.

Когда я учился в учебке, то нас там учили группами. Учили быстрому переодеванию, когда надо было перебегать из одной комнаты в другую, закладке тайников, передаче информации при касании в общественных местах, хотя мне это ни разу не пригодилось, потому как работал в одиночку и не светился. Интересны были занятия по запоминанию цифр, номеров телефонов. Цифры запоминали по цветам. Каждой цифре свой цвет, например, один – белый, девять – чёрный. В итоге, можно было описывать комнату. А телефоны, когда идёшь по проходу, мимо проходят и называют номер, в это время проходят навстречу, и тоже называют номер. Надо было всё запомнить. Учили слежке, технике ведения разговора, выживанию, тихому нападению, всем видам оружия. Радовали нас занятия по слежке, когда мы выходили в город, стояли перед витринами, в которых отражалась улица, сигналам связи. Нам вдалбливали, что слежка – тень человека. Научили запоминать любые детали и мелочи, развивая всё виды памяти, когда, даже увидев что-то мельком, и не обращаешь на это внимания, а память фиксирует увиденное. Можно запомнить всё, а потом вспомнить увиденное, даже если и не собирался запоминать.

– Вам принести ещё? – Спросила меня та же стюардесса. Я обнаружил, что выпил кока-колу. Ещё ранее, когда она только подходила, краем глаза заметил её, но не стал предварительно обращать на неё внимание.

– Спасибо, не надо. А что у вас соринка в глаз попала? – поинтересовался я.

– Откуда вы знаете?

– Вы чуть-чуть смазали тень в уголке глаза. То, что накатилась слеза, не хочется думать. Вынули?

– Да, подруга помогла.

– И как вынула?

– Уголочком платка.

– В следующий раз позовите меня, соринку надо вынимать кончиком языка.

– Да вы что!? – искренне с некоторой радостью удивилась она. – Но будете ли вы рядом?

– Многое зависит от вас.

– Я учту ваше предложение.

– Только долго не задерживайтесь.

– Хорошо, сейчас пойду, брошу себе пыль в глаза.

– Лучше пустите её кому-либо другому.

– Например, вам?

– Можно и мне, но тогда вам придется чистить мне глаза.

– И об этом подумаю.

Она отошла, я а лишний раз убедился в том, что тренировки не прошли даром, я заметил её приближение, а затем вернулся к своим воспоминаниям.

Всё это было интересно, но более близко к диверсионной работе. Лишь когда меня, после ранения, начали готовить индивидуально, вот тогда всё было иначе. Это был новый этап подго-

товки профессионала агента-одиночки: отработка навыков рукопашного боя, радио, компьютер, работа с психологом, тайнопись, фотодело, визуальная разведка объектов и многое-многое другое. Такую нагрузку мог выдержать не каждый, но в меня поверили. Время проходило напряженно, я был постоянно занят, но не был лишен комфорта быта. Жил я тогда на вилле, в одной из стран. Преподаватели приходили на «дом». Вилла располагалась на огороженной территории, где я мог иногда прогуливаться. У меня отшлифовывали владение языками, тогда я и выучил китайский, который был нужен для моего первого задания. К своему удивлению я научился бегло говорить по-французски, неплохо говорил на арабском, правда, с письмом были сложности, испанский, а английский знал с детства. Изучал микро – и макроэкономику и другие заумные вещи.

Единственной издержкой всего этого, было отсутствие личной жизни. Я был холост, а для многих и мертв. Ещё за время моей предыдущей казарменной учёбы я, в какой-то мере, отвык от женского общества, если не считать отдельных эпизодов. Видимо, чтобы тебе кто-то понравился надо встречаться, общаться, строить отношения на сближение, всего этого я был лишен, при этом добровольно.

Индивидуальная подготовка выбила из меня мои славянские корни по привычкам, произношению и вычислить их стало просто невозможно.

Что делать? В разведке личного не должно быть, а личной привязанности к женщинам, я должен был избегать, помня, что за каждым преуспевающим мужчиной, всегда стоит женщина, она же могла его и погубить. Это слабость нелегала. За моей спиной никого не было.

Так я пришел в этот мир юнцом, а вышел в великолепной форме, но без друзей. Одиночество не тяготило. «У шпиона нет друзей» – мелькнула у меня банальная мысль. Да и кого они есть, в истинном смысле этого слова? Скорее хорошие знакомые. Хотя, если в общепринятом смысле, то у меня их было множество, которыми я обзавелся, что-то делая, или наоборот, не делая.

Я обречён был в этой, своей второй, жизни, принять облик человека одинокого, родители которого умерли вдали от родины, но я, как и они, остался французом.

– Месье, я вижу, что вы не спите, – вывел меня из раздумий голос стюардессы. – Будете обедать?

– Разве только за тем, чтобы чем-то занять себя, – ответил я на предложение. – Вы же не согласитесь скоротать моё время?

– В вашем вопросе заложен ответ – не соглашусь. Я на работе.

– А вне работы? Я научу вас технике вытаскивания соринок из глаз.

– И только? – усмехнулась она.

– У меня много других скрытых достоинств.

– Видимо, очень они скрыты, иначе, почему вы холосты?

– Поняли, потому что меня никто не ждёт во Франции? Не люблю показывать достоинства своей души. Как только они проявляются, всё, расставание. Какая женщина захочет быть на вторых ролях? У неё же нет столько достоинств. Но самое главное достоинство – холостяк, иначе я был вам не интересен. Так что скажете?

– Всё возможно, – уклонилась она от прямого ответа. Её зеленые глаза излучали лукавство.

– Тогда, если нам суждено будет ещё увидеться, то моё предложение остаётся в силе, но в Аргентине.

– Договорились.

– А что вы предложите мне сейчас?

Я выбрал блюда, перекусил и после обеда немного поспал. Когда проснулся, то за иллюминатором, на безоблачном небе, светило солнце. Полёт подходил к концу. Мы прибывали

около девяти часов местного времени, так что день только начинался, а в Париже было ещё пять часов утра.

Под крылом замелькали здания, вереницы машин на шоссе. Посадка прошла по расписанию. Фонари посадочной полосы слились в сплошную линию. Юркий диспетчерский «форд» подкатил к самолету, и огромный лайнер, ревя моторами, послушно двинулся за ним.

Самолет подрулил к зданию аэропорта. Открыли дверь самолета, и в салон, горячей волной, ворвался тугой воздух, сдобренный асфальто-бензиновыми запахами аэропорта. Рукав подвинулся к выходу самолета. Я вышел последним. Уже на выходе я спросил, обращаясь к стюардессе?

– А как вас звать, в будущем? – хотя на её бейдже было имя, но мне хотелось услышать, от неё, как возможность для дальнейшего знакомства.

– Жаннетт, – улыбнулась она, и в её интонации не прозвучало дежурного ответа.

– А меня Жан. Всего доброго, Жаннетт, до встречи, – и пошёл по проходу.

Таможня, пограничный контроль отняли не более получаса. Получив свой чемодан, я вышел в зал прилёта, где стояли встречающие с табличками, на одной из которых я увидел своё имя. Её держал лысый брюнет, лет сорока, одетый в светлую рубашку и брюки.

– Здравствуйте, это я – и указал ему на табличку, что он держал.

– А меня зовут Андре, – весело произнес он. – Будем знакомы. Нам предстоит часто видеться. Пойдёмте.

Я подхватил чемодан, и мы вышли на стоянку, где погрузив вещи в его машину, отъехали от здания аэропорта. Мне было интересно наблюдать за пейзажем, проносившемся мимо. Трудно представить, что я снова в Южной Америке, где когда-то был проездом, хоть и вынужденным. По дороге из аэропорта не было пышной листвы, и зной витал в воздухе.

– Впервые здесь? – поинтересовался Андре.

– Да, – ответил я, не собираясь посвящать его в предыдущие свои посещения Латинской Америки.

– Как и любая страна, она имеет свой колорит, особенно славится карнавалами и жгучими женщинами. Это надо видеть, но у тебя всё ещё впереди. Об этом можно говорить и писать сколько угодно, но всё будет не то. Это надо видеть. Давно занимаешься журналистикой? – перевёл он разговор.

– Достаточно, – не вдавался я в даты.

– Испанский знаешь, как полагаю?

– Есть такое дело. Немного и английский.

– Тогда порядок, здесь в ходу много языков, кто только не живет: китайцы, арабы, итальянцы. Вообще, Буэнос-Айрес в Латинской Америке имеет статус Парижа. Здесь, как вавилонское столпотворение, наложенное на латиноамериканскую основу. Тебе придется окунуться в эту жизнь напоказ.

– Не понял? – искренне удивился я.

– Здесь любят показывать больше, чем имеют в действительности. Любят вечерами ходить в кафе, рестораны, в общем, вести жизнь вне дома. Пока начнется лето, а оно здесь с декабря, привыкнешь, а потом уже дожди.

– А машину арендовать где?

– Подберем.

– А что с прежним журналистом, – поинтересовался я. – Чем он заболел?

Андре засмеялся: – Заболел! – Но затем резко оборвал свой смех. – Не болел он ничем. Что произошло, никто не знает. Избили его и сильно, но шум поднимать не стали. Видимо влез, куда не следует, хотя здесь народ добрый, но, как и везде, есть свои тайны жизни. Ты если что, спрашивай, наши кабинеты рядом.

– А почему попросили тебя встретить?

– Так пока никого не было от вас, я помогал вашей газете. Не бесплатно, конечно. У нас общая секретарша, чтобы заниматься бумагами и отвечать на звонки.

Так за разговорами мы въехали в город и влились в поток машин. Я с интересом рассматривал архитектуру зданий – испанское барокко. Андре вёл машину по загруженным улицам города уверенно, и проезжая по одной из них, указал мне на трехэтажное здание: – Вот здесь наш офис, а я тебя отвезу в гостиницу, что рядом, чтобы было не далеко добираться.

– А квартиру снять?

– Это тоже решаемо, всё зависит от возможностей. Понятно, жить в гостинице сложнее, все-таки не на один день приехал туристом. Симона поможет.

– Это наша секретарша? – уточнил я.

– Она, милая, она.

– Даже милая?

– С ней иначе нельзя, но для меня она только коллега.

– Думаю, для меня тоже будет.

– И это правильно.

Проехав мимо здания, где располагался офис, он ещё проехал метров двести, и, свернув направо, въехал в узкую улочку, остановившись перед небольшой гостиницей. Фасад здания был светло бежевого цвета. Дверь цвета мореного дуба пропустила нас в холл, где улыбаясь, нас встретил администратор – молодой мужчина.

– Номер для Жана Марше, – известил его Андре. – Ты устраивайся, – обратился он ко мне. – Мне надо идти, дела, а завтра я загляну. Отдыхай, все-таки разница во времени и перелёт. Или прогуляйся по улочкам, только не заблудись. Всё, я пошел, до завтра, – и Андре вышел на улицу.

Оформив проживание, я поднялся в свой номер, что располагался на втором этаже. Номер был достаточно удобным, среднего размера; окна выходили на улицу, по которой мы подъехали. На противоположной стороне был жилой дом, где на подоконниках стояли яркие цветы в горшочках.

Распаковав вещи и приняв душ, я переоделся и сел в кресло возле письменного стола, продумывая план действий на сегодняшний день и на ближайшее будущее. Надо было выйти в город известить Центр о своем прибытии, чтобы ждать задания, а пока вживаться в роль журналиста, потом посетить местного знатока искусства, адрес которого мне дал Мишель Рено.

Поразмыслив, я не стал откладывать дела и покинул гостиницу. Город был мне знаком, его карта была у меня отпечатана в голове, немало потратил я времени не её изучение. Потом, когда найду квартиру, приступлю к более детальному изучению. Я доехал до улицы Флорида, где посидел в самом старом кафе страны и вернулся в гостиницу.

6

Утром Андре заехал за мной в половине девятого.

– Завтракал? – поинтересовался он, после приветствия.

– Да, в кафе рядом с гостиницей.

Я проснулся рано и, узнав у администратора, где можно позавтракать, выпил чашку кофе и съел два элеконадас (маленькие пирожки с рубленым мясом, оливками и яйцом).

– Тогда в путь?

– Ты же сказал, что офис близко?

– Но я, же за тобой заехал?

Через пять минут мы зашли в офис, который состоял из общей комнаты, где располагалась наша секретарша – Симона. Она сидела за большим столом, на котором стояли телефон,

факс, ксерокс, лежали папки, на отдельном столике компьютер. В комнате было два шкафа и пара стульев возле её стола. Налево и направо две двери.

– Твоя дверь направо, – объяснил мне Андре, и после познакомил меня с Симоной. Это была крупная, но не толстая, высокая женщина, лет тридцати пяти. Чёрные волосы, спадали на плечи, выразительные глаза смотрели на меня с любопытством. Андре объяснил, что она замужем и у неё двое детей.

– Ты с какой целью мне сообщил об этом? – задал я вопрос.

– Только с познавательной.

Симона улыбнулась: – Будем знакомы, – у неё был приятный грудной голос.

– Предлагаю провести маленькое совещание прямо здесь. Свой кабинет посмотришь потом. Симона сделай кофе, – попросил Андре.

Мы расположились на стульях вокруг её стола. Когда кофе был готов, Андре начал своё введение меня в курс дел.

– Буэнос-Айрес очень славный город, добрый и приветливый. Аргентинцы доброжелательные люди, очень общительны и тебе надо будет привыкнуть к тому, что они болтают без умолку, и могут нести всякую чушь, лишь бы говорить. Поэтому, если дорожишь временем, то сначала подумай, готов ли ты к долгому разговору ни о чем, или извиняйся и спешно уходи.

– А кроме чуши, что ещё говорят?

– А вот ты и проявишь свои способности, чтобы отделить суть, что тебе интересна. Ещё одна особенность – они часто не обязательны и не пунктуальны, – при этом он посмотрел на Симону, а та улыбнулась в ответ на его взгляд, подтверждая его слова, – так, что если ждешь женщину, – продолжил Андре, – то имей в виду, это не значит, что она придёт вовремя.

– А что, в других странах женщины иные? – удивлённо спросил я.

– Везде одинаковы, – согласился он, – но здесь это относится и к мужчинам.

– У меня не дойдет дело до свидания с мужчинами, – произнес я, придав голосу уверенность. Симона легко засмеялась, а Андре хмыкнул. – Надеюсь. Эту страну иногда называют «Маньяния», от слова «manana» – завтра. Я правильно говорю? – обратился он к Симоне, и та утвердительно кивнула головой. – Их обязательства – завтра. Что ещё?

– А ты сам здесь давно? – спросил я

– Уже три года, с женой, – уточнил он, – дети взрослые остались во Франции. Насколько мне известно, ты не женат.

– Верно.

– Всё впереди. Может быть, встреча ждет тебя здесь, но учти, женщины здесь, очень знойные, могут и сами пойти на контакт.

– Все!?

– Ну, что ты, нет, конечно, но они такие страстные. Ещё запомни, что здесь три приоритета: футбол, секс, мясо. Все остальное вторично.

– Футбол все-таки на первом месте?

– Это когда идет матч. Что ещё сказать.

– О районах, – напомнила Симона.

– Все районы к югу опасны, что на севере – престижно. Район Палермо – всегда ночная жизнь. На улицах Defensa и Chili много баров с живой музыкой. Есть вопросы?

– Хотел бы найти квартиру, арендовать машину, познакомится с коллегами.

– Ты посмотришь график различных мероприятий, куда нас, журналистов приглашают. Выберешь сам, Симона подаст документы на твою аккредитацию, даже если их подвали из Франции. При первой возможности я познакомлю тебя с коллегами из других газет и журналов. Машина… Симона даст адрес салона, а квартиру через агентство, она также даст тебе телефон. Приготовила?

– Всё у него на столе.

– Умница. Тогда приступай, знакомься с бумагами, знакомься с городом. Тебе его показать?

– Спасибо не надо, хочу увидеть его своими глазами, чтобы иметь своё представление. Ещё. Как по поводу цензуры?

– Если ты имеешь в виду, будешь ли ты представлять интерес для спецслужб, то думаю, будешь. Впрочем, как и везде. Но все-таки не лезь, куда не надо.

– А куда не надо?

– В их внутренние разборки, в их отношения с США, как и в дела контрабанды. Береги свою жизнь. Это понятно?

– Более чем.

– Тогда у меня всё.

Я прошёл в свой кабинет. Это была небольшая комната. Напротив двери стоял стол, кресло спинкой к окну, которое было закрыто жалюзи. Имелся кондиционер. Слева от входа шкаф для бумаг, справа небольшой диван, а у стола стул. Я прошёл и сел за стол, на котором лежал список приглашений и встреч, куда я мог пойти, телефон агентства по аренде квартир и автосалона. Позвонил в агентство, договорился о встрече, аренду машины отложил, надо изучить город, пройдя его пешком и на общественном транспорте. График особо не заинтересовал и решил всё-таки начать с жилья. Надо было открыть счёт в местной валюте. В какой банк обратится, я знал, ещё в Париже мой банк дал мне сведения, обеспечив дорожным чеком.

Выйдя в приемную, я известил Симону:

– Пойду, займусь знакомством с городом и поиском жилья. Сегодня уже не буду. И мне нужен банк, – и сказал ей название.

– Это здесь рядом, выйдешь, сверни налево и через пять минут будешь на месте. Не заблудись.

– Постараюсь, – и, попрощавшись, вышел.

Войдя в прохладное помещение банка, я очутился в небольшом, но уютном вестибюле. Было немноголюдно, царила тишина, присущая подобным организациям. Едва я вошёл, навстречу мне подошла миловидная девушка:

– Добрый день. Вы у нас впервые?

– Да, хочу открыть счет.

Она предложила мне следовать за ней, и, постучав в дверь, вошла в кабинет, где за столом сидел смуглый красавец.

– Господин, Орселе, к вам клиент, хочет открыть счет.

– Очень приятно. Вы откуда?

– Из Франции.

– Присаживайтесь. Как вас зовут?

– Жан Марше. Я приехал, как журналист.

– Если вам удобно, то могу говорить по-французски, – предложил Орселе.

– Не надо, я понимаю, да и для практики полезно.

– Как вам будет угодно. Я заместитель управляющего данного отделения. Вы свободны, – обратился он к девушке, и когда та вышла, спросил: – На какую сумму хотите открыть счет? В какой валюте?

– В песо, но пригодится и счет в иной валюте. Деньги я переведу из Европы. А сумма? Я думаю пару сотен тысяч в долларовом эквиваленте.

Ни один глаз не моргнул у Орселе, хотя думаю, что не часто журналисты открывают такие счета.

– Вид счета простой или номерной?

– Простой, но так чтобы я смог снимать деньги без ограничения по карте банка или по чековой книжке.

– Никаких проблем. У вас будет чековая книжка на ваше имя, и вы можете получить ваши деньги во всех отделениях банка страны.

– А в других странах?

– Также и там, где есть наши представительства.

– А как у вас с отделениями в районах?

– Смотря, какой район. Карточки, чек, а иногда и наличные.

– Понял.

– Ваши документы, удостоверяющие личность? – попросил он.

Я протянул ему паспорт, он внимательно просмотрел его, а затем по телефону вызвал служащую.

– София, подготовьте документы для открытия счета и чековую книжку для поступления денег.

– Не надо ждать,– и я подал ему дорожный чек, на озвученную сумму.

– Вы его так просто носите?

– Он же именной

– Тем не менее, надо быть осторожнее. Всё упрощается. Выпишите книжку по этому документу, – он отдал девушке мой паспорт. – Пройдите вместе с ней, подождите, пожалуйста.

Я вышел вслед за Софией, а Орселе отправился проверять мой чек. Через десять минут он вернулся и, подойдя к Софии, взял у неё чековую книжку, посмотрел и отдал мне.

– Спасибо, что выбрали наш банк, мы будем всегда к вашим услугам и будем стоять на страже ваших интересов. Карточка будет через пять минут.

– Я бы хотел получить часть наличными.

– Получите их по чековой книжке. Я прощаюсь с вами, – он пожал мне руку, и улыбка исказила его лицо, ещё бы журналист, а открывает счет на приличную сумму. Глаза его оставались холодно-изучающими, настороженным.

– Всего доброго, – ответил я, и после получения карточки и небольшой суммы наличных, вышел из банка.

Чековая книжка была нужна, не всегда можно рассчитаться с карточки. Дел у меня было не мало. Город я предварительно изучил по карте ещё во Франции, но теперь надо было ходить пешком, откладывая в памяти дворы, улицы, переулки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.